

но то, что доля формальной асимметричности предикативной основы в нем гораздо больше, нежели в иных крупных индоевропейских языках. Существенная составная часть этой асимметричности — это монокомплексность внешнего оформления общего профиля предложения. Отсюда следует также и вывод о том, что применительно к славянскому материалу неверно последовательное применение схемы предложения в неизменном эксплицитном виде: S (sentence) → NP + VP, т. е. презентация схемы предложения в дихотомии именной и глагольной фразы.

29 Славянские языки глобально отличаются от западноевропейских языков еще дополнительными общими признаками. С преобладающей синтетичностью, флективностью славянских языков системно взаимосвязан превалирующий свободный (точнее: грамматически не связанный) словопорядок, в противоположность превалирующему грамматически связанному словопорядку языков аналитических. Слово-синтаксема в славянском предложении обладает значительной словопорядковой автономностью, что отражается, между прочим, в частом вынесении глагола на первое место (ср. типичное р. *Жили мы тогда в Таганроге; Пошел раз мужик к огороднику огурцы воровать*). Иным характерным признаком славянского предложения оказывается совсем обычная возможность постановки более чем одного отрицания, напр., ч. *Nikdy jsem o tom s nikým nemluvil*, в противоположность преобладающей монодесигнации отрицания в европейском стандарте, ср. англ. *It is no problem*; нем. *Ich habe kein Geld mehr*. (В древних славянских языках, однако, достаточно было одного отрицания, ср. др.-рус. *николи же всяду на нь*.)

V. ВНУТРИСЛАВЯНСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

30 Общая характеристика славянского синтаксического строя, его конфронтация с другими синтаксическими системами, а также и исследование внутриславянских совпадений и расхождений во многом опирается на принципы типологической лингвистики. Теоретические предпосылки такого исследования, на отвлеченном уровне или уже применительно к славянской стратификации, были предметом внимания ряда ученых. К ним относятся особенно: В. Скаличка, разработывавший методологию типологического сопоставления языков и их характеристики (Skalička 1958, 1968), Б. А. Успенский (1965), И. И. Ревзин (1967), далее авторы работ, специально рассматривавших языковое родство, общность славянских языков с типологических позиций, напр. И. Леков (1952), Р. Ковалив (Kovaliv 1954), Д. Брозович (Brozović 1964) и, наконец, исследователи, уде-

лявшие доминирующее внимание частным аспектам синтаксической типологии, напр. Л. Дэже (Dezső 1973).

31 Из относительно единого праславянского строя предложения и его внутренней организации мало-помалу развивалась постепенная дивергенция, обусловленная, между прочим, факторами субстрата и адстрата. Постепенно, спустя длительное время, выкристаллизовывались — в терминах ареально-типологической лингвистики — три славянских языковых союза: балканский, средневропейский и евро-азиатский. Синтаксический ярус языка в самом деле оказывается наиболее чутким, конформным к иноязычному воздействию. Можно было бы в предельно сжатом виде отметить те общие черты, какими отличалось предложение эпохи праславянской общности и последующих древних этапов отдельных славянских языков, стоявших еще очень близко друг к другу. На данную проблематику, в ее интеграле и обобщении, обращали свое внимание гл. обр. А. С. Мельничук (1966), далее Я. Бауэр (1968), Б. Гавранек (Havránek 1973), Т. П. Ломтев (1973). В отдаленном прошлом важнейшими чертами славянского предложения являлись: значительная доля внешне неглагольных, коротких коммуникатов, с им. падежом имен или с междометиями; гораздо более свободная взаимоспаянность сегментов коммуниката, линейная открытость его организации; в области членов предложения многие адвербиальные детерминанты тогда выступали самостоятельными (или полусамостоятельными) высказываниями (ср. ч. *Tato sobota, přijedu* → *Tuto sobotu přijedu*); падежи имен сами по себе, без предлогов, были насыщены в гораздо большей степени конкретной, адвербиальной семантикой (направления, цели, удаления, средства и т. д.); сообщения об обладании чего-л. обслуживались сплошь либо конструкцией типа „мне (есть) что-то“, либо типа „имею что-то“; предцирование качества в широком смысле осуществлялось с помощью согласуемых падежей (прилагательные выступали в именной форме), да вообще принцип грамматического согласования взаимосвязанных компонентов действовал весьма последовательно; сложное предложение было еще недифференцированным, имело место т. наз. нанизывание, или же свободное присоединение частей друг к другу; мало-помалу формировались союзные средства, сначала полисемичные, на базе междометий и указательных местоимений; лишь постепенно складывались морфолого-синтаксические средства для передачи пассивной и вообще деагентивной строевой перспективы; в сфере узкой модальности лексические средства были наделены еще полновесной предметной семантикой (ср. *Нельзя мне пройти* обозначало „для меня нет легкости прохода“), модальных глаголов в настоящем смысле еще не было, серьезную роль играли инфинитивные конструкции вроде др.-р. „*Мне (есть) трава съчи*“, как и партиципальные предикаты. Перечень этот можно было бы, разумеется, расширить и конкретизировать, однако это выходит за рамки предлагаемого труда. Тем не менее лишний раз подчеркнем, что диахроническая осведомленность весьма полезна и для углубленной презентации материала современ-

менных языков, для его более вдумчивого истолкования. Диакрония и сравнение, с одной стороны, а типология с другой стороны, несмотря на коренные различия своих компетенций, интересов и приемов, все-таки восполняют, подкрепляют друг друга.

32 Широкая эмпирия, обретенная нами при наблюдении и изучении современных славянских языков, позволяет установить ключевые критерии для внутриславянской современно-синхронной характеристики синтаксических систем всех литературных славянских языков:

(1) В основе этих критериев лежат, прежде всего, те моменты, которые были намечены выше при общей конфронтации с мировыми индоевропейскими языками: та или другая мера асимметричности предикативной основы, взаимоотношение номинативного и неноминативного строения предложения, заданное способом выражения денотативного и коммуникативного субъектов. Наибольшее распространение неноминативный тип получил в вост.-слав. ареале, ср. р. *Его там нет, Куда нам обратиться?, Тебе нужно подождать, Крышу снесло ветром*. Генитивные отрицательные конструкции представлены во всех синтетических языках, меньше всего на северо-западной территории; генитивные аффирмативные конструкции обращают на себя внимание особенно в с.-х., ср. неопределенно квантифицирующий тип *Ima velikih junaka*, дейктический тип *Evo ga!* Противопоставление бикомплексности/монокомплексности манифестируется: (а) в постановке/отсутствии личных местоимений в глагольной парадигме (зап.-слав. и юж.-слав. языки знают преобладающий нуль местоимения), (б) в типовой многогранности и частотности бесподлежащих, односоставных структур (лидируют вост.-слав. языки, лишь мало им уступает слн., затем следует п.), (в) в имплицитности/эксплицитности среднего дейктического местоименного десигнатора (наиболее последовательно он вербализуется в л. и ч., весь славянский юг тяготеет к его пропуску). Наконец, асимметричность предикативной основы сказывается еще в функциональной емкости твор. падежа предикативного (при чистой связке больше всего он представлен в п., не знает его слн., малую роль играет в с.-х., а в л. искусственно культивируется в письменной речи, ср. в.-л. *Je w susodnej MTS z traktoristom*, н.-л. *Běšo tam z fararjom.*).

33 (2) Взаимная дистрибуция предложений с элементарными предикаторами *habere/esse* при выражении широкой семантики обладания (посиденции, посессивности) и экзистенции. Здесь дело зависит не только от этих обеих семантических значимостей, но кое-где также и от грамматического времени и от категории положения/отрицания. Некоторые языки, в общем, используют прежде всего *esse* (р., юж.-слав.), другие же — *habere* (больше всего сев.-зап. языки). Значение обладания, владения большей частью обслуживается с помощью *habere*, однако на вост.-слав. территории преобладает адэессивный оборот *у + род. над. + esse*, особенно

в р. (ср. *У меня есть билет*), меньше в у. (ср. *Я маю чоботи, Цього в мене нема(є)*, под. в б.-р. *Гетага у мяне няма*). Типичен здесь, между прочим, юж.-слав. дативный тип слн. *Obraz tu je bil teman*; с.-х. *Brada tu je već seda*; м. *Прстите му се суви*; б. *Лице му беше бледо*, совмещающий посессивность с предципированием качественного признака. Следует добавить еще славянский перфект с *habere*, получивший наибольшее распространение в ч. (*Mám to koupeno, Měli jsme už uvařeno*) и м. (*Имам носено, земено...*, и даже деагентивный дериват вроде *Се има веќе допиено*). Значение экзистенции, в смысле *il y a, es gibt, there is/are* сопряжено с интересной комплексной дистрибуцией обоих глаголов в части языков, в частности в п., у., б.-р. (ср. п. *Henryka nie było w mieszkaniu, Nie ma ich tam* — интересная синтаксическая изоглосса). Только *esse* фигурирует в ч., слц. и слн., в то время как в л. под влиянием немецкого языка встречается также *dare* (ср. н.-л. *Togo how dawašo dodosća*). Напротив, только *habere* выступает сплошь в м. и б., а в с.-х. экзистенциальное *esse* в наст. вр. замещается при аффирмации и негации глаголом *habere* при условии, что налицо обобщенное, неопределенное понимание носителя признака.

34 (3) Релевантность дистрибуции формальных средств для деагентивной стилизации определенных содержаний. Под деагентивностью следует понимать, гл. обр., незаемление левовалентной подлежащей позиции предиката семантической ролью агенса, реже — иного производителя признака. Другими словами — это сообщения о действиях (чаще всего) безотносительно к их денотативному субъекту или с его отодвижением в иную синтаксическую позицию. Арсенал славянских десигнаторов располагает неодинаковой дистрибуцией трех форм: (а) Возвратная форма в построениях двусоставных имеет универсальное распространение, только в п. представлен тип с вин. над. прямого дополнения (*Czyta się książkę*, с частичными аналогиями в слн. и м.). Напротив, сильно ограничена структурная схема односоставная в вост.-слав. языках (ср. р. *Об этом говорилось, писалось*, но не **Вставалось очень рано*), а в других языках она бытует свободно (напр. ч. *Vstávalo se velmi brzy*, п. даже *Jest się przecież nauczycielem, Ma się jakieś zdolności*, с.-х., *Ovim se putem ide*, м. *Да се биде доктор не е лесно*). (б) Деагентивная форма квази-3 л. мн. ч. является излюбленным средством в слц. (напр. *Na porade prijali takéto rozhodnutie*) и на востоке (ср. р. *Его исключили из партии*), не будучи чуждой, конечно, и другим языкам. (в) Страдательно-причастная форма в коммуникатах с подлежащим или без него на части территории задается видо-временными параметрами, бросается в глаза польско-украинская изоглосса бесподлежащего типа п. *Rozmawiano na tematy ogólne*, у. *Телеграму одержано*.

К деагентивным могут быть причислены еще предложения модально-реляционные, со значением произвольного отношения одушевленного существа к совершению действия, предрасположенности/непредрасположенности к нему. Здесь вырисовывается любопытное взаи-

действие трех факторов: односоставность/двусоставность, эксплицитность/имплицитность датива, означающего экспериенс действия, отсутствие/наличие квалифицирующего наречия. Напр. р. тип *Мне дремлетя*, ч. *Hezky se mi tu sedí*, с.-х. *Čita mi se neki dobar roman*, ч. *Obličeje se mi dobře pamatují*. Предикат выступает в возвратной форме, наибольшую частотность выявляет подтип без квалификатора на славянском юге, особенно в б., ср. *Ядат ми се круши*, *Учеше ми се математика* (см. Mrázek 1971).

35 (4) Модальность в узком смысле слова, т. е. модификация предикативного содержания в смысле возможности, необходимости, намерения, предоставляет в симбиозе своих десигнаторов и их дистрибуции последний весомый фактор при типологии славянского предложения (см. Мразек 1973). Всего имеются средства троякого порядка:

(а) Глагольное наклонение, оно играет здесь менее значительную роль, а именно в форме синтетической (р. *Они гуляют, а я здесь сиди и работай*) и, чаще, аналитической (ч. *Už abychom šli* „мы должны, нам пора идти“, слн. *Jaz naj grem*, при типичной перифразе в с.-х., м. и б. с частицей *да*, напр. б. *Аз да взема билети*).

(б) Лексические средства, к ним относятся прежде всего модальные глаголы. Наиболее типичны они для зап.-слав. языков (ч. *musím, mám, smím, chci, hodlám*), обнаруживая меньший функциональный диапазон в п. и бытуя отчасти в у. (*мусити, мати*) и б.-р. (*муциць, мець*). Далее, к лексическим показателям модальности принадлежат номинальные предикативы (вроде р. *надо, нельзя, можно*); весьма интересен в этом отношении юж.-слав. гибридный тип с предикативным наречием *treba, трябва, да пиша статию*.

(в) Чисто синтаксическая конструкция с инфинитивом, при словесном выражении/невыражении дат. падежа, являющегося субъектом модально окрашенного содержания предиката. Наиболее характерны эти образования в вост.-слав. языках, напр. р. *Тебе не понять этой проблемы, Не стоять же здесь напрасно, Где же ему быть нашим гидом!* На зап.-слав. ареале, и на юге в слн. и с.-х. они занимают совершенно периферийное место (ср. ч. *Bylo nám podstoupiti mnoho protivenství*, слн. *Kaj mi je začeti?*, с.-х. *Umiti mi se je*).

Разумеется, существуют еще дополнительные критерии, в той или иной мере могущие послужить более детальным мерилем внутриславянской синтаксической дифференциации. (Так, выше не принимался в расчет строй сложного предложения и неодинаковая возможность, обычность его конденсации посредством полупредикативных оборотов.) Однако все эти дополнительные критерии оказываются уже заметно менее релевантными, нежели выдвинутые выше четыре основных аспекта.

36 Естественно, синтаксический ярус зиждется на морфологическом ярусе и обусловлен им. Первое место по важности здесь занимает дихотомия синтетического :: аналитического характера именной парадигмы. Болгарский и македонский языки, как аналитические, противопоставляются остальным, синтетическим языкам. Аналитизм влечет за

собой, между прочим, известные нормы словопорядка и дублирования де-сигнации актантов предиката. Синтегизм большинства слав. языков оказы-вается, в свою очередь, не повсюду одинаково ярко выраженным. Так, на слав. севере наиболее синтетичны ч. и слц., в то время как п., и особенно вост.-слав. языки выказывают элементы аналитизма и агглютинативности. Вост.-слав. отсутствие спрягаемых форм глагола *esse* — *быть* в индикативе наст. вр. — это весьма характерная черта, и ее считают типологическим элементом агглютинативного строя; формы эти были утрачены, по-види-мому, под воздействием тюркского адстрата и финно-угорского субстрата. Отсюда проистекает поверхностно неглагольный профиль высказываний, ср. р. *Земля велика и прекрасна*; у. *Здоров'а в нього міцне*; б.-р. *Свет вялік*, как и отмеченный аналитизм глагольной парадигмы с местоименным пока-зателем грамматического лица (р. *я писал, ты писал*...). Отчасти неглаголь-ные коммуникаты системно интегрированы еще в п. (ср. *To bardzo proste, Nauka to potęga*) и даже в б. (ср. *To друга работа*). Стилистически маркиро-ванные коммуникаты с нулевым поверхностным *esse* бытуют, разумеется, в качестве окказионализмов и во всех остальных языках.¹⁴ В рамках гла-гольной парадигмы заслуживает внимания и влияет на внешний облик предложенческих структур отсутствие инфинитива, типичное для б., м., а в меньшей мере для с.-х. В результате получаются здесь нормальные построения, как-то б. *Аз трябва да пиша; Може да се каже; Почна да говори уплашено*. Менее важные последствия для синтаксического строения пред-ложения имеют такие явления, как сохранение простых претеритов в л., с.-х., м., б., наличие супина в л. и слн., система глагольных модусов с включе-нием в нее особой формы при передаче косвенной информации (т. наз. б. *преизказна форма, преизказно наклонение*. Ф. Копечны (Кореблү 1986) справедливо обратил внимание на дихотомию славянского ареала при вы-ражении отрицания в формах прош. времени, ср. противопоставление типа ч. *Neviděl jsem ho* :: с.-х. *Nisam ga video*. Наконец, известную роль в оформле-нии коммуникатов о качественных признаках субстанций играет тот факт, располагает или нет данный язык краткими формами прилагательных, и в положительном случае — какова их лексико-функциональная емкость, их дистрибуция.

¹⁴ О предложениях с глаголом *esse*, гл. обр. применительно к ситуации в вост.-слав. языках, писалось неоднократно. Ср. особенно: Busch 1960, Zatočka 1964, Chvany 1975, Przytułeczka 1977, L'Hermitte 1978, Кокорина 1978, Žaža 1979 (b), а также Кореблү 1973. Напротив, конструкции с глаголом *habere* привлекали внимание намного реже.

37 На основании всех вышеуказанных критериев можно очертить краткую, общую дифференциальную характеристику трех славянских ветвей.¹⁵

Восточнославянский ареал:

(1) Номинативный строй предложения, с им. пад. подлежащего, не занимает монопольного положения. Таким образом, асимметричность предикативной основы велика; ее отчасти компенсирует аналитическая парадигма глагола, с обычной постановкой прономинального десигнатора.

(2) Поверхностно безглагольные образования, с глубинным глаголом быть, играют важную системную роль.

(3) Значительна функциональная емкость инфинитива, как и других именных форм (деепричастий, причастий).

(4) Семантика обладания, посиденции, обслуживается преимущественно глаголом *esse* в т. наз. адэссивной конструкции; вообще речь идет скорее об „*esse*-языках“.

(5) При деконкретизации денотативного персонического субъекта интранзитивных действий преобладают неактивные морфологические средства; деспецификация неодушевленного, предметного субъекта часто реализуется нулем подлежащей позиции.

(6) Узкая модализация высказывания осуществляется большей частью именными предикаторами или инфинитивными конструкциями.

38 Западнославянский ареал:

(1) Номинативный строй предложения явно превалирует, однако с запада к востоку его диапазон суживается. Асимметричность предикативной основы меньшая, несмотря на преобладающую имплицитность местоименного компонента глагольной парадигмы.

(2) Поверхностно глагольные образования, с вербализованным предикатором *esse*, занимают центральное место в системе.

(3) Средняя функциональная нагрузка инфинитива и прочих именных глагольных форм.

(4) Семантика обладания, посиденции, обслуживается преимущественно глаголом *habere*; вообще перед нами скорее „*habere*-языки“.

(5) Деспецификация денотативного персонического субъекта интранзитивных действий осуществляется с более равномерным привлечением активной формы и пассивно-рефлексивной/пассивно-причастной формы;

¹⁵ К внутриславянской типологической характеристике, в плане совпадений и расхождений, ср. особенно: Славянска филология, т. 1, София 1963, с. 36—44 (анкета, в связи с конгрессом славистов, с выступлением 9 славистов); Barnet (1966); Polák (1973) — по поводу славянского языкового типа в широких восточноевропейских взаимосвязях; Lotko и др. (1977) — весьма тонкие наблюдения по стратификации типологических изысканий в данной области.

неспецифицированный предметный субъект получает часто эксплицитное выражение.

(6) Узкая модализация высказывания реализуется большей частью с помощью глагольных предикаторов.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что в синтактико-типологическом плане польский язык разделяет несколько общих признаков с вост.-слав. ареалом (при частичном отклоне от флективного типа), напр., более весомую роль асимметричных, неноминативных структурных схем, частичную поверхностную неглагольность „esse-предложений“, более частое употребление именных модализаторов.

39 Южнославянский ареал:

(1) Неноминативный строй предложения развит лишь частично, гл. обр. на северо-западе, и асимметричность предикативной основы занимает умеренное место, причем получают некоторые серьезные различия между аналитическими б. и м., а, с другой стороны, синтетическими с.-х. и слн.

(2) Поверхностно глагольные образования тоже вполне интегрированы в системе соответственных языков.

(3) Инфинитив наделен очень малой функциональной способностью или прямо отсутствует; представлены перифразы с *да* (иногда говорят прямо о „*да-языках*“); этот десигнатор — полисемическое грамматическое слово.

(4) Семантика обладания, и также экзистенции, обслуживается в деталях по-разному с участием обоих предикаторов *esse/habere*. Посессивность часто находит свою сигнализацию в симптоматичных дативно-приименных конструкциях.

(5) Деспецификация персонического субъекта имеет своим означивающим часто рефлексивную глагольную форму; в случае неодушевленного субъекта показательно, что демонстративное местоимение в позиции грамматического подлежащего весьма часто отсутствует, даже если речь идет об анафорическом дейксисе на совершенно конкретную субстанцию.

(6) Для передачи узкой модализации превалируют именные предикаторы, с возможным их оглаголиванием.¹⁶

40 На базе намеченной трихотомической типологической стратификации общего синтаксического статуса славянского простого предложения, можно было бы привести характеристику каждого отдельно взятого славянского языка.¹⁷ Характеристика эта должна была бы содержать еще дополнительные, наиболее специфичные параметры, охваты-

¹⁶ Предложенная нами выше „традиционная“ трихотомия славянских языков опирается преимущественно на синтаксические критерии. К общей же проблематике классификации славянских языков ср.: Isačenko 1939 (переиздание: Исаченко 1963), Kopečný 1949/50, 1986, Леков 1954, Mańczak 1958, Michálková 1972, Běličová-Křížková 1978, Lötzsch 1982.

¹⁷ Типологическую характеристику русского языка, на фоне всех славянских языков, первым принес В. Скаличка (Skalička 1958).

вающие: (а) также и высшие ярусы деривации монопредикативных структур (средства оформления общего модального профиля, актуального членения, эмоциональной окрашенности и т. п.), (б) синтагматические показатели сочетаемости свойств синтаксем, в связи с внутренним строением структурных схем простого предложения, (в) строение сложного, т. е. полипредикативного синтаксического целого, с упором на союзные средства, (г) сферу синтаксиса сверхфразовых комплексов. Предпосылки для подобного сжатого панораматического изображения уже имеются. Помимо обширной собственной нашей выборки явлений из текстов всех славянских языков (с систематическим их распределением) к этим предпосылкам относятся еще: (а) синтетические пособия по синтаксису каждого славянского языка в отдельности; (б) контрастные очерки, статьи или даже книжные произведения по синтаксису близкородственных языков, напр. ч. — слц., в.-л. — н.-л., с.-х. — слн., б. — м., р.-у. — б.-р.; больше всего здесь было сделано по конфронтации трех вост.-слав. языков,¹⁸ из билатеральных работ ср., напр., наш очерк по контрастивному синтаксису ч. и слц. (Mrázek 1979); (в) возникшие уже и продолжающиеся издаваться пособия по синтаксису русского языка в сопоставлении с тем или иным славянским языком; такого рода труды, хотя и с прагматической педагогической направленностью, оказывают знаменательную помощь славистам-компаративистам — через призму русского кода становятся выпуклыми, наглядными соответственные типичные явления других славянских языков.¹⁹

В предлагаемой книге мы, однако, в конце концов решили отказаться от синтаксической характеристики отдельных языков, а именно по соображениям экономии места, излишней антиципации фактов, как и с учетом имеющейся возможности найти информацию в том или ином книжном пособии искомого языка. Более логично, более органично будет поместить подобные сводные контрастные итоги по языкам только в конце завершеного многотомногоopusа.

¹⁸ Помимо работ, указанных выше в § 12, ср. еще: Гурскі 1972; Затовканюк 1968 (а), 1978; *Сравнительная грамматика русского и украинского языков* 1957¹, 1961²; *Сопоставительное исследование русского и украинского языков* 1975.

¹⁹ Из числа подобных сопоставительных пособий можно указать, напр.: Bauer-Mrázek-Žaža 1960¹, 1966², 1979³ (сопоставление р. и ч. синтаксического строя); Bogusławski-Karolak 1970¹, 1973² (р.—п.); Чернов 1979 (р.—б.). Весьма полезны также и другие конфронтативно-контрастные работы, как-то: Michnevič 1979 (слц.-б.-р.); Savický 1973 (р.-у.-ч.); Topolińska 1984 (п.-м.).